

Вместо предисловия

Пока человек жив, отношения с ним могут меняться час от часу, день ото дня, год от года. С его смертью все это уходит, и только тогда наступает ясность.

Именно это, как мне кажется, имеет место в наших отношениях с покойным митрополитом Антонием. Меня просили коротко рассказать о том, как я ощущаю его наследие нам — епархии, приходу и лично мне. Оглядываясь вокруг, я вижу людей, знавших Владыку много дольше, чем я, и каждый, кто знал его, может утверждать, что поддерживал с ним особенные, личные отношения.

Расскажу немного о моих отношениях с Владыкой Антонием. Впервые мы встретились в 1971 году, тогда я учительствовал недалеко от Оксфорда. Владыка посетил церковь, которая была в частном доме. Как многие, я сразу попал под воздействие его пронизывающего взгляда, почувствовал необыкновенно внимательное отношение ко мне лично. Это покорило меня, в тот день я записал в дневник: «Какой замечательный человек!» Тогда же Владыка посоветовал мне оставаться в Синодальной Церкви, к которой, по его словам, он питал большую симпатию. Владыка пригласил меня заехать к нему в Лондон, но я ответил, что скоро возвращаюсь домой в Америку. Мы не виделись до 1973 года, когда случайно встретились в Гайд-Парке, он пригласил меня зайти, и я согласился... Потом я стал просто ходить в церковь; он, заметив меня, кивал головой и улыбался. Однажды, когда нам удалось поговорить, он спросил меня, учился ли я в семинарии. Я сказал: «Да, я ходил в семинарию, но не в ту, какую надо». Владыка сказал: «Ну, это не имеет значения. Вы закончили курс?» И я ответил: «Да, все пять лет». — «А почему вы не стали священником?» — «Я не знаю, видимо, на то не было Божией воли». Владыка положил руку мне на плечо и сказал: «Я думаю, Господь изменил Свое мнение». И так начались наши беседы, в конце концов я был рукоположен и стал священником Лондонского прихода. Думаю, наша дружба возрела медленно, оттого что я никогда не верил, что митрополит может быть в дружбе с кем-нибудь вроде меня. Я действительно в такое не верил!

Так начался совершенно исключительный этап моей жизни, за неимением лучшего выражения я бы назвал его «бегом с препятствиями». В первые годы нашей дружбы отношения были очень неровными, в большой мере из-за привычки Владыки отменять встречи в последний момент. Однажды мы с женой раз семь подряд переносили наши рабочие дела, пристраивали детей и все прочее, а я пришел к Владыке и снова нашел на двери записку. Я заявил, что больше не намерен терпеть подобное, и мы поссорились. Когда Владыка провожал меня до двери, он произнес — я до сих пор слышу его глубокий голос и русский акцент: «Позвольте сказать, дорогой Джон: я очень рад, что мы не муж с женой».

С тех пор Владыка перестал отменять наши с ним встречи в последнюю минуту, но часто просил передать кому-нибудь свои извинения.

Тут вспоминаются два случая. Как-то зимой он позвонил мне в будний день ровно в то время, когда улицы забиты машинами, и попросил провести вместо него беседу в Эссексе, в Ромфорде, в половине восьмого. Я согласился поехать, но предупредил, что не успею ко времени. Пока он извинялся, я спросил: «Кстати, какая тема беседы?» — «Ангелы», — ответил Владыка, и мы рассмеялись. В другой раз звонок раздался в три часа дня в пятницу, он сказал, что плохо себя чувствует, и попросил поехать в Херефорд у границы Уэльса и провести говение для клириков Херефордской англиканской епархии. Я отказался: если бы аудитория состояла не из духовенства, я бы поехал.

В последние годы и во время болезни Владыка как будто все больше полагался на меня — уж не знаю, почему: нам все еще случалось спорить. Как-то он хлопнул за мной дверью, я постучался, и когда он сердито открыл мне, я произнес: «Я еще не все сказал». Владыка рассмеялся и жестом пригласил войти.

Если быть уж совсем откровенным: не могу даже сказать, что мне недостает Владыки. Поначалу мне было не по себе от этого, но теперь я понял, что причина тут в том наследии, которое он нам оставил. Для меня, как и для многих, наследие это очень живо. Состоит оно, на мой взгляд, из трех частей: это Церковь, затем молитва и богослужение и, наконец, личные отношения.

К моменту нашей первой встречи наша семья принадлежала к Синодальному приходу. Я мыслил очень узко и главным считал соблюдать правила.

Еще в нашем самом первом разговоре с митрополитом Антонием он сокрушался, что столько правил и традиций отброшено. Не думаю, что Владыка сознательно стремился произвести впечатление, — он на самом деле так чувствовал. Более того, в день, когда он рукоположил меня священником — вы знаете, что он всегда говорил несколько слов рукополагаемому в момент, когда тот должен пройти Царскими вратами, — он сказал мне: «Я рукополагаю тебя, чтобы ты помог хранить равновесие между старым и новым — не бойся ни того, ни другого».

Один из принципов, которому он постепенно научил меня, — лучше нарушить правило, чем сломать человека. Для меня это было ново. Мои отец с матерью были фермерами и их родители тоже, жизнь шла по строгим правилам: встаешь в пять утра, одеваешься — и живешь по часам.

Владыка учил, что рука, протянутая к событиям и людям, должна быть легкой — так поступает Бог по отношению ко всем нам.

Он привел меня к пониманию того, что ответы на главные вопросы ищешь долго и, что еще важнее, ответы эти не одинаковые для всех.

Из сказанного может показаться, что митрополит Антоний был либералом худшего толка, но это не так. «Всегда имей правило под рукой, — говорил он мне, — это лучшая указка, но не всегда решающая».

Владыка любил Россию, любил русских людей, любил многое русское, но был убежден до глубины души, что Церковь не бывает

ни русской, ни греческой, ни сербской, ни даже английской; напротив, *Церковь — это всеобщая дружба со Христом.*

Об этом можно говорить еще очень долго, я многое узнал о Церкви от Владыки, и это навсегда останется со мной и со многими из нас, но теперь я перейду ко второй теме, к теме молитвы и богослужения.

Это болезненная для меня тема, потому что, боюсь, мы теряем, по крайней мере в Лондонском соборе, привитое Владыкой отношение к молитве и богослужению. Владыка всегда учил меня приходить в церковь заранее, чтобы успеть приготовить все, что нужно, найти и заложить в книгах места чтений и так далее, потому что служба *исключает* посторонние разговоры.

Те, кто продолжают ходить в собор, не могли не заметить возрастающие перемены по сравнению с тем, что было при Владыке. Священники разговаривают, дьяконы разговаривают, естественно, алтарники тоже не стесняются разговаривать. И после этого священники смеют одергивать собравшихся: не болтайте! Все это очень грустно, и я не могу мириться с тем, что такова «русская привычка»: будь она хоть греческая, сербская, румынская, какая угодно — это *дурная* привычка и прямое покушение на наследие митрополита Антония: я так ясно помню, как он досадовал, как отвечал сквозь зубы, когда его о чем-то спрашивали во время службы. Очень часто в ответ звучало решительное «нет!». Мне очень больно наблюдать, что теперь служба сопровождается суетой, обсуждением предстоящих действий, — ничего этого *быть не должно*. Надо сказать, владыка Василий изо всех сил старается удержать службу на былой высоте, но из вежливости отвечает на вопросы священников, дьяконов и алтарников — это они (а порой и я сам) виноваты в отступлении от завещанного митрополитом Антонием. Наш собор, наша епархия всегда отличались в этом отношении, а теперь, как говорят, в других приходах молитвенный дух более живой, чем в соборе. Меня это очень печалит, это должно всех нас печалить, и смею надеяться, нам еще удастся тут что-то исправить.

Наконец, о личных отношениях. Как я уже говорил, у каждого из нас были свои, особенные отношения с владыкой Антонием. Тот факт, что сам он был в первую очередь человеком для доверительной беседы, порой создавал административные трудности, но мне кажется, что дух уважения, с которым он относился к каждому человеку, распространялся по всей епархии. Наше духовенство всегда было братством. Неприступность, чувство собственного значения вовсе нам не свойственны — это совершенно определено Антониева печать на нас. Многие из нас, особенно лондонцы, слышали от разных людей одну и ту же историю. Человек звонит в дверь и просит позволения посмотреть собор, а потом рассказывает: «Нас провел по храму старый привратник». Этим «старым привратником» оказывался митрополит Антоний!

Существенно и то, что Владыка не требовал какого-либо комфорта: он легко терпел жару, холод, голод, усталость; ничего этого

он не замечал. Я не помню, чтобы он купил хоть что-нибудь ради удовольствия или просто удобства. И еще: каждый год на Рождество мы готовили Владыке подарки, но он их немедленно передаривал, и мы перестали это делать. Я думаю, многие с этим сталкивались: Владыка все раздавал. За эти 25 лет, однако, множество раз мне случалось говорить ему об остро нуждающихся людях, он ни разу не отказался помочь и как-то находил нужные деньги, иногда весьма значительные.

Осталось сказать несколько слов о последних днях Владыки. Думаю, я вправе поделиться этими воспоминаниями.

В феврале 2003 года, после того как у Владыки появилась кровь в моче, а он несколько месяцев упрямо отказывался показаться врачам, ему поставили диагноз: рак мочевого пузыря. Он указал на меня как на next-of-kin, на ближайшего ему человека, поэтому я присутствовал на встречах с врачом. На первой после операции встрече врач был настроен оптимистически. Когда мы уже садились в машину, я заметил: «Что ж, все неплохо. Врач говорит — прогноз хороший». Владыка Антоний посмотрел на меня и произнес: «Он ошибается». И рассказал свой сон: ему приснилась бабушка. Вид у нее был торжественный, она держала календарь и молча листала его. Быстро промелькнули февраль, март, апрель, май, июнь. Когда дошло до июля, движение замедлилось и на четвертом августа остановилось. И он сказал мне: «Я умру четвертого августа».

Началось долгое лечение — облучение и химиотерапия. Я возил Владыку на сеансы ежедневно почти восемь недель, ему требовались большие дозы обезболивающих. Однако лечение не дало результатов, и 23 июля Владыке пришлось лечь в Тринити-хоспис. Опять-таки, я проводил там целые дни. Я выслушал последнюю исповедь Владыки, соборовал и причастил его. Довольно скоро после этого он потерял сознание и во второй половине дня четвертого августа скончался.

Незадолго до этого он спросил, готов ли я оказать ему последнюю услугу, и я сквозь слезы ответил согласием. Владыка дал мне список имен и просил молиться об этих людях до конца моей жизни, как он сам молился, — имена он просил никому не открывать.

Владыка ушел от нас. Он был святым, но был и грешником. Он был мудр, но делал ошибки. Он видел славу человека и, я верю, встретил Бога.

Однажды, когда я на него за что-то рассердился, Владыка сказал мне: «Джон, ты деревенский мальчик, ты знаешь, что из навоза может вырасти добрый плод, — так и думай обо мне».

Протоиерей Джон Ли
Лондон, 2005